

16 APR 1977

Молодежь Азербайджана
г. Баку

18 апреля народной артистке СССР Шевкет Мамедовой исполняется 80 лет. С ее именем связана целая эпоха становления и развития азербайджанского национального театра. Первая оперная певица Азербайджана, она на протяжении почти трех десятилетий являлась солисткой театра в Баку. Дебютировав в партии Виолетты в «Травиате», Шевкет Мамедова затем стала исполнительницей партий Джильды в «Риголетто», Маргариты Валуа в «Гугеноты», Розины в «Севильском цирюльнике», Антониды в «Иване Сусанине» и ряда других. Наверное, многие любители музыки знают, что Шевкет-ханум участвовала в постановке первых национальных опер. Среди лучших ее работ — заглавные партии в операх «Шахсэнам» Р. Глиэра и «Наргиз» М. Магомаева. Не каждый опытный педагог может гордиться таким созвездием своих учеников, как профессор Мамедова. Народные артисты Советского Союза Муслим Магомаев и Франгиз Ахмедова, народная артистка Украинской ССР Джульета Якубович, народная артистка РСФСР Людмила Платонова в разные годы обучались вокальному мастерству у Шевкет-ханум.

...Годы неумолимо берут свое. Тридцать лет прошло с тех пор, как Шевкет Мамедова оставила сцену. И сейчас, наверное, лишь представители старшего поколения помнят чарующее, проникающее в душу лирико-колоратурное сопрано замечательной азербайджанской певицы. Пожелтевшие от времени документы и фотографии возвращают нас в дореволюционную Россию. Четырнадцатилетней девочкой она едет учиться оперному пению в Италию, в Милан. Ее педагогом была известная певица Дотти Амброзио, в свое время работавшая в знаменитом театре Ла Скала. Однако денег хватило ненадолго, и юная Шевкет была вынуждена прекратить обучение.

В 1912 году она вернулась в Баку. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба молодой певицы, если бы не знакомство с Узеиром Гаджибековым, дружба с которым продолжалась до последних дней жизни композитора. Узнав о бедственном положении девушки, он предложил организовать спектакль, вырученные деньги от которого пошли бы на ее дальнейшее образование. Одна из газет того вре-

мени сообщала: «В пятницу, 13 апреля оперными артистами будет представлена оперетта У. Гаджибекова «Муж и жена». В заключение будет устроено концертное отделение, в котором, между прочим, ученица Миланской консерватории Шевкет-ханум споет «Поминальную ночь» Лассена и «Азру» Рубинштейна».

Знакомые имена Шевкет Мамедова

Подкупленные религиозными фанатиками бандиты-кочи сорвали спектакль, весь сбор был конфискован, самой певице пришлось спасаться бегством. Каким надо было обладать мужеством, чтобы решиться выступить перед реакционно настроенными хранителями старых законов шарията, запрещавших женщине не только петь на сцене, но даже не сметь показывать в миру свое лицо. Казалось бы, один из десятков сотен эпизодов, которые случаются в жизни любого человека. Но в нем — вся Шевкет-ханум, ее стремление принести людям радость, познакомить их с прекрасным миром оперы, ее чистота и доверчивость. И, наверное, уже тогда осмеленная, беззащитная перед этим сонмом беснующихся, озлобленных, обрушивших на нее поток злобы и угроз «зрителей» юная певица сделала свой выбор. Это была борьба. Яростная борьба за свое призвание, за искусство, за людей, за низвержение унижающих честь и достоинство женщины-мусульманки догм шарията. И еще — это труд,

изнурительный, до полного изнеможения. Поэтому что этот труд — для человека. Для его счастья, самоутверждения, веры в самого себя.

Шевкет-ханум: «Я работаю. Всегда работаю. Все дает труд человеку. В труде он растет, обогащается, познает себя, свои возможности. Помоему, в нашем лексиконе даже нет слов, чтобы

рассказать, что такое труд. Труд — это все».

Беседуя с Шевкет-ханум у нее дома. Скромная, искренняя, приветливая, она пленяет при первом же знакомстве. Немного простуженная, с перевязанным горлом, она сидит напротив и рассказывает. О своем выступлении в старом Баку, чуть было не закончившемся для нее трагически, о своих концертах, встречах с известными певцами, композиторами. Поражает ее скромность. Первая азербайджанская оперная певица, выступавшая на сцене вместе с такими великими певцами, как Собинов, Бюль-Бюль, Пирогов, замечательная артистка, чье блистательное пение вызвало бурю оваций в концертных залах Парижа, человек, которому Глиэр посвятил свою «Шахсэнам», не любит говорить о своих заслугах. Милая и приветливая хозяйка, интересный собеседник, опытный педагог, она всегда готова прийти на помощь, выслушать, посоветовать.

Часы размеренно отсчитывают время. Мягкий, неназойливый свет падает на большой стол,

вспыхивая на какой-то миг ярким бликом на сменяющихся друг друга фотографиях. Разложенные альбомы, письма, клавиры. Напротив меня сидит человек, сделавший так много для азербайджанского советского искусства. И сейчас, сидя с Шевкет-ханум, как-то отчетливо осознаешь, что все сказанное и написанное о ней — лишь малая толика. Что есть люди, жизнь которых не укладывается в рамки обычных измерений, восторженных эпитетов.

Шевкет-ханум говорит тихо, неторопливо. Ее голос напоминает своей простотой, чем-то внутренне теплым и искренним. Невольно внимание начинает рассеиваться: параллельно друг другу в мыслях проходят ее воспоминания и услышанное от людей, знающих ее.

Студент консерватории: «Мы все ее очень любим, она наша гордость. Шевкет-ханум очень простая. Если что не получается, она всегда подскажет, подбодрит».

Человек, проработавший с ней свыше тридцати лет: «У одной женщины, артистки хора, родился ребенок. Время было военное, голодное. Она лежала в больнице, когда ее квартиру обворовали. Представьте, ей выписываться, а младенца даже не во что завернуть. Шевкет-ханум тогда работала директором оперного театра. Когда ей рассказали об этой женщине, она позвала домой и сказала, чтобы ей принесли пальто, сняла с себя беличью шубу и послала этой женщине, чтобы она ее продала и на эти деньги купила все необходимое себе и ребенку...»

Во время войны Шевкет Мамедова часто выступала с концертами в госпиталях, в пограничных районах. Певица вносила свою маленькую частичку в общее дело всего советского народа, громившего фашистских захватчиков.

После войны Мамедова пела недолго. Год-два. Почему? Да видно устала. Ведь прожило уже было полвека. Полвека в искусстве. А это очень много. И еще, может, потому она сошла с подмостков большой сцены, что рядом были молодые, чей талант она всегда ценила.

Шевкет-ханум стала преподавать в консерватории. Вот уже тридцать лет она ежедневно входит в эти стены, где ее так любят и ждут.

М. КОРМАН.